

А. А. Лазаревич

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

**КОММУНИКАЦИОННО-
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВАНИЯ**

Анатолий Лазаревич

**Становление информационного
общества. Коммуникационно-
эпистемологические и культурно-
цивилизированные основания**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

УДК 1
ББК 87

Лазаревич А. А.

Становление информационного общества. Коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизированные основания / А. А. Лазаревич — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

ISBN 978-985-08-1916-1

В монографии исследуются актуальные проблемы Современности, обусловленные кризисом гуманитарных ценностей индустриальной эпохи и поиском новых сценариев развития цивилизации и культуры. Излагается позиция автора в отношении ряда дискуссионных вопросов: в каком обществе мы живем – индустриальном, постиндустриальном, информационном, обществе, основанном на знании; каковы «пределы роста» техногенной цивилизации; что ожидает человека в бурно развивающемся мире техники, информации, интернет-технологий, виртуальной реальности; насколько возможны и эффективны инструменты управления информационно-коммуникационной средой и др. Обосновывается комплекс теоретико-методологических и практических средств становления и перспективного развития информационного общества, в том числе и в Республике Беларусь. Адресуется ученым, специалистам органов государственной власти и управления, работникам учреждений образования и культуры, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем тем, кто интересуется современными тенденциями социальной динамики.

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-985-08-1916-1

© Лазаревич А. А., 2015
© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1. Природа и сущность социальной информации и коммуникации	13
1.1. Понятие социальной информации	15
1.2. Понятие социальной коммуникации	23
1.3. Культурно-цивилизационный контекст информационно-коммуникативных процессов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Лазаревич
Становление информационного общества:
коммуникационно-эпистемологические и
культурно-цивилизационные основания

Научный редактор: доктор философских наук, профессор И. Я. Левяш

Рецензенты: академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Е. М. Бабосов; член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Л. Ф. Евменов

Рекомендовано Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (протокол от 18 июня 2015 г. № 8)

© Лазаревич А. А., 2015

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

Введение

Стремительное развитие современной цивилизации сопряжено с рядом социально-практических и мировоззренческих проблем. К числу последних могут быть отнесены трудности, даже для философского знания, четкой фиксации основных характеристик формирующейся на рубеже XX–XXI вв. социальности. В самом общем плане ее называют постиндустриальной, поскольку она закономерно приходит на смену индустриальной эпохе, символизирующей техногенный формат социального прогресса. Для нового типа социальности необходимо сформулировать не только конкретные формы проявления, но и типичные проблемы развития на нескольких уровнях.

На социально-политическом уровне ключевой задачей остается трансформация функций государства в направлении их либерализации, гуманизации, поиска баланса интересов между государственным администрированием и общественным самоуправлением. В социальной рефлексии меняется представление о взаимных функциях государства и гражданского общества, интерпретация природы и характеристик самого гражданского общества, которое все далее уходит от просвещенческого канона. Насущной проблемой становится понимание сетевой самоорганизации социальных и политических субъектов, спонтанной и детерминированной политической активности. Все это заново актуализирует задачу адекватной социально-философской и политической прогностики, роли экспертного знания в этой сфере. Экономический срез осмысления «новой социальности» напрямую связан с обсуждением проблем качества жизни, его материального и духовно-эмоционального измерения, справедливого распределения социальных благ. Нужно иначе посмотреть на рынок как инструмент социально-экономической регуляции. Если дальше углубляться в эту тему речь, по сути, должна идти о становлении новой модели экономики, в основе которой находятся феномен и понятие услуги, приобретающие все более универсальные черты. Одна из важных задач сегодня – избежать стереотипа понимания услуги как виртуального, «нематериального», «нетрудового» занятия. Сфера услуг и сам концепт «услуга» в любой стратегии общественного развития (а в постиндустриальной – особенно) имеют не только важный экономический, но и гуманитарный смысл. Принципиальная черта услуги – ее адресность, или человекоориентированность. Что-либо делать, создавать какие-либо социальные среды, отношения, не задаваясь вопросом, кому это «нужно», кто станет субъектом этих отношений, – по меньшей мере абсурдно. Более того, любой товар как объект, взятый в контексте социальных отношений его рекламирования, купли-продажи, практического применения, утилизации или повторного использования, в сущности, также может рассматриваться как услуга. Думается, что если бы субъекты экономического планирования и деятельности шире оперировали термином «услуга» как фундаментальной категорией, говорить сегодня о «затоваривании складов» не приходилось бы. Поэтому и реальный сектор экономики (сельскохозяйственное и промышленное производство) также должен «согласиться» с тем, что, по сути, работает в режиме оказания услуг, по-другому – удовлетворяет чей-то спрос.

В культурно-цивилизационном отношении формирующаяся «новая социальность» отличается тем, что цивилизация все активнее «подчиняет себе» культуру, культуру как духовный феномен, которая в предыдущих типах общественного развития мыслилась как фундамент и главный «арбитр» цивилизационной динамики. Ценности современной цивилизации все больше связываются с представлениями о новом уровне ее интеллектуализации. Модели модернизации, инновационного развития современного общества основываются не только на приоритетности человеческого интеллекта, но и на идеалах интеллекта искусственного. Но при этом не следует забывать поучительный опыт индустриальной эпохи, преклонявшейся перед достижениями научно-технического прогресса. Сегодня она настойчиво и во многом оправ-

данно критикуется по многим социально-антропологическим, этическим и другим духовно-культурным критериям. Это лишний раз подтверждает мысль о том, что требование интеллектуального развития общества не может быть полноценно реализовано вне его связи с императивом интеллигентности, содержательными признаками которого выступают духовность, культура, образовательный кругозор, порядочность, национальное самосознание, ответственность и др.

Наконец, существует философско-антропологический срез проблем «новой социальности». Здесь речь следует вести о серьезной трансформации мироощущения человека, совершенно новых коннотациях смысла жизни. Об этом говорит растущая статистика девиаций, зависимого поведения, в частности, компьютерной зависимости, интернет-зависимости, других новых социально-психических синдромов. Современный мир очень интенсивно изменяется, велика плотность событий, в которые включены люди, генерируются и транслируются огромные потоки информации. Человек объективно, в силу даже своих физиологических особенностей, не готов за всем этим успевать, а тем более продуктивно использовать. Отсюда стрессы, перегрузки, психические расстройства и т. д.

Большая опасность коренится также в том, что большинство людей в мире изобилия различной информации не формируют собственные (индивидуальные) смыслы, а «слепо впитывают» то, что выбрасывается сегодня на информационный рынок. Следствием этого является так называемое клиповое сознание, лишенное какой бы то ни было креативности. В этом ряду проблем следует рассматривать и образование своего рода мировоззренческого хаоса, обуславливающего растерянность человека в мире, его приверженность то одним, то другим идейным течениям, партиям, сектам, деструктивным организациям и т. п.

В последние несколько десятилетий социально-гуманитарная наука обращает свой взор к проблемам и противоречиям индустриализма, занимается исследованием тех новых тенденций, которые стали доминировать в экономике и социальной сфере, начиная с 50-х гг. XX в. Вот лишь некоторые из них: резкое сокращение удельного веса аграрных и индустриальных секторов производства в структуре ВВП большинства развитых стран мира, а также численности людей, занятых в этих секторах, и перераспределение их в сферу «обслуживания самих себя», то есть в сферу услуг и социального сервиса; интеллектуализация и технологическая модернизация производства, ориентация его на выпуск наукоемкой, высокотехнологичной продукции с минимальным природоресурсным компонентом; приобретение информацией и знанием статуса стратегического ресурса общества, способного кардинально изменить традиционные представления о формах и механизмах прибавочной стоимости; активный рост во всех ключевых сферах общества меритократии, то есть специалистов, полагающихся как в своей личной, так и в общественной деятельности на возрастающее значение образования и знания, духовно-культурных ценностей; изменение структуры социальной стратификации, мобильности общественно-экономических и культурных отношений.

Это только некоторые из основных факторов постиндустриальной модернизации общества. Конец XX и начало XXI в. показали, что и эта стратегия модернизации *нуждается в существенной корректировке* по причине интенсивного развития компьютерных технологий и процессов информатизации, закладывающих основы новой модели социальной, в том числе производственной, организации и коммуникации, получившей название информационного общества.

Информационный уклад характеризуется формированием особой структуры социальных взаимодействий и особых практик познания и освоения действительности человеком, социальными группами и обществом в целом. Несмотря на то что формы и способы коммуникации можно считать одним из основных факторов, структурирующих социальное пространство на протяжении всей истории человечества, именно в наше время развитие информационно-коммуникационных технологий становится движущей силой экономического и научно-техни-

ческого прогресса, формирования новых наукоемких производств и секторов экономики. Это обстоятельство и дает основание характеризовать современную историческую эпоху как «эпоху информационного общества» [164].

Критерием становления информационного общества является не только и не столько количественное накопление информации, сколько приобретение ею нового качественного статуса: она становится определяющим фактором промышленно-технологического развития и одним из основных факторов организации и управления в социальном пространстве. Деятельность человека на протяжении тысячелетий способствовала наращиванию массивов социально и цивилизационно значимой информации. Наступление эры информационного общества не отменяет этот фундаментальный процесс; можно даже констатировать, что скорость накопления информации экспоненциально возрастает. Вместе с тем именно в информационном обществе его отличительной чертой становится увеличение интенсивности обработки информации, то есть рост ее освоения и инструментализации, и, соответственно, производства вторичной информации по сравнению с накоплением, которое было основным приемом взаимодействия с информацией в традиционном и отчасти в индустриальном обществе. Функциональной основой информационного общества является процесс интенсивной переработки информации в знания. При этом знание понимается как особое качественное состояние информации как освоенной, отрефлексированной, систематизированной и интегрированной социальным субъектом в эпистемические системы различного уровня.

Тем самым в монографии устанавливается соотношение между понятиями «информационное общество» и «общество, основанное на знаниях». Термин «информационное общество» описывает реальность общества, основанного на знаниях, с точки зрения состояния и эволюции производительных сил. И наоборот, термин «общество, основанное на знаниях» описывает информационное общество с точки зрения «способа производства» – сочетания производительных сил и системы отношений, складывающихся по поводу производства, хранения и распространения информации и знаний.

Информация и знания в любых типах общества играли исключительно важную и определяющую роль. Применительно же к обществу знания речь идет не столько об этих феноменах как таковых, сколько о нетрадиционных способах производства и культурно-экономической социализации информации и знаний в связи с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных наук и информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим понятие общества знания нередко отождествляется с понятием экономики знаний, хотя и не сводится к нему. Кроме высокой наукоемкости технологической сферы общества, синергического взаимодействия био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий, в обществе знания актуализируются и другие важнейшие сферы. Например, применительно к области духовно-культурных процессов речь следует вести о ценностях образования, новых возможностях и технологиях его получения. Высокий уровень образованности и нравственности, информационной культуры, профессиональной компетентности и ответственности – неотъемлемая характеристика субъекта общества знания.

Современные социальные трансформации имеют достаточно сложную структуру, и их коммуникационно-эпистемологическая сущность едва ли может быть очерчена границами той или иной теории. Сегодня коммуникация в различных ее типах и формах сама выступает характеристикой социального развития, воплощая в себе его интеллектуальные, социально-экономические, научно-мировоззренческие, технологические, нравственные, культурологические и другие важнейшие особенности. В этом смысле нам близка позиция Н. Лумана, полагающего, что общество, или, точнее говоря, социум, по существу и есть социальная коммуникация, то есть любые социальные системы, как считает немецкий социолог, образуются исключительно благодаря коммуникации и в силу необходимости селективного согласования информации.

Современный социум в высшей степени являет собой информационно-коммуникационную модель социальной организации. Речь идет об активизации так называемого третичного, социально-мобильного сектора общественно-экономической деятельности (сферы услуг, сервисной экономики как все более значимой области социальной активности и взаимодействия), и четвертичного – информационного, который напрямую стимулирует коммуникационную активность. Кроме этого, происходит изменение общей схемы социальных связей и отношений в социуме путем перехода в его организации от преимущественно иерархической, вертикальной структуры к горизонтально-сетевой, которая во многом усиливает целевое и функциональное значение информационно-коммуникационных факторов.

При этом видоизменяются не только принципиально новые коммуникационные основы организации общества, но и сами типы и формы социальной коммуникации, что в целом обнаруживает тенденцию трансформации ее структуры и эволюции. Речь идет в первую очередь об изменении классических моделей субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Данные вопросы рассматриваются в монографии как в их самостоятельном значении, так и в отношении к современным процессам виртуализации социокультурной практики.

Способность участвовать в генерировании виртуальной реальности не является уникальным свойством человека информационной эпохи. Вместе с тем именно способность человека к виртуализации (то есть к участию в процессе создания вторичной реальности, пониманию специфики ее законов, а также к свободному переключению сознания между мирами «реального» и «виртуального») становится едва ли не базовой коммуникативной компетенцией, важнейшей предпосылкой социального благополучия. Технологическая структура строящегося общества знаний предполагает, что функциональные позиции, не связанные напрямую с обработкой информационных потоков, работой в сфере сконструированной реальности (а это не только телекоммуникационная отрасль, индустрия информационных технологий, система массового информирования, рекламы и PR, но и, к примеру, фондовый, банковский, страховой бизнес и т. п.), все более отступают на второй план. По большому счету, в этом и заключается постиндустриальная трансформация экономики, отмеченная возрастающей ролью третичного сектора производства социальных благ.

Несмотря на ряд издержек формирующегося информационного общества, монография ориентирована на позитивный смысл выражения его сущности в контексте выявления и анализа следующих ключевых особенностей: превращение информации и знаний, фундаментальной науки и технологий в важнейший ресурс материального и духовного производства; трансформация технологического уклада общества в направлении все более наукоемких и востребованных решений; изменение структуры социальной стратификации путем увеличения удельного веса и роли творцов и носителей знания; горизонтальная (сетевая) организация; мультикультурность и глобальность.

Под таким углом зрения современная коммуникация предстает как коммуникация по преимуществу *интеллектуальная*, основанная на знаниях в их непреходящем личностном измерении, что обуславливает высокий образовательный и культурный уровень современного субъекта, его профессиональную компетентность и ответственность.

Степень научной рационализации и технологизации социокультурного развития будет, в конечном счете, возрастать, что не должно автоматически ассоциироваться с «интервенциями» неуправляемого и довлеющего научно-технического прогресса. Последнему также свойственна естественная саморегуляция. Именно в плоскости такой саморегуляции сегодня следует рассматривать постановку вопроса об оптимальной организации научно-технического творчества, постнеклассических типах рациональности, законодательных и нравственных границах научных открытий и их технологических воплощений. В монографии эти и ряд других сопряженных вопросов рассматриваются через призму информационно-коммуникационных отношений, имея в виду, что только в контексте межличностного и в целом широкого социаль-

ного взаимодействия возможно взаимопонимание, а соответственно, и консолидация интеллектуального и духовно-культурного опыта человечества.

Монография основана на анализе и обобщении накопленной социогуманитарным знанием междисциплинарной информации об основных тенденциях трансформации современного общества. Решаемые в ней задачи связаны с выяснением содержания и взаимоотношений понятий индустриального, постиндустриального и информационного общества; анализом количественных и качественных показателей, описывающих динамику информационно-коммуникационной среды в мире и в Беларуси; выявлением и характеристикой основных параметров и противоречий адаптации человека к информационно-коммуникационной среде как составных частей «антропологической проблемы информационного общества», а также параметров развития человеческого потенциала в глобализирующейся информационно-коммуникационной среде; обоснованием ценностных основ и принципов управления процессами информатизации и модернизации.

Теоретические основания данной работы заложены, прежде всего, исследованиями в области теории постиндустриализма и формирования информационного общества. К основоположникам этого междисциплинарного научного направления следует отнести Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Р. Дарендорфа, М. Кастельса, М. Маклюэна, Ё. Масуду, Дж. Нейсбита, А. Портера, Р. Престуса, Э. Тоффлера, А. Турена, Ф. Фукуяму, Д. Эймора, А. Этциони и др. Значимую роль в адаптации положений теории постиндустриального развития к специфике постсоветских стран сыграли работы И. Ю. Алексеевой, А. В. Бузгалина, О. Н. Вершинской, Т. В. Ершовой, В. Л. Иноземцева, И. С. Мелюхина, А. И. Ракитова, А. Н. Райкова, В. П. Руднева, А. Д. Урсула, Д. С. Черешкина, М. Эпштейна, Ю. В. Яковца и др.

В монографии учтены основные положения Декларации принципов построения информационного общества (Женева, 2003), Плана действий Тунисского обязательства (Тунис, 2005), а также подходы и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), содержащиеся в Заявлении ВВУИО+10 о выполнении решений, принятых в 2003–2005 гг., и в разработанной ВВУИО+10 Концепции на период после 2015 года (Женева, 2014).

Развитию исследований данного профиля способствует формирование в разных странах мира специальных научно-исследовательских учреждений. В их числе можно назвать BCIS – Центр информационного общества Университета Беркли (США); CITRIS – Центр исследований информационных технологий в интересах общества (США); Центр «Информация и общество» Вашингтонского университета (США); Центр технологий информационного общества Университета г. София (Болгария); Центр исследований постиндустриального общества под руководством В. Л. Иноземцева (Россия); негосударственный Информационно-аналитический центр «Парето» (Россия); Центр исследований проблем информационного общества при Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова (Украина) и ряд других.

Таким образом, на сегодняшний день проблема становления информационного общества стала одной из центральных проблем социально-гуманитарной науки и практики. Для ее решения создается специальный теоретико-методологический аппарат, формируются междисциплинарные подходы, использующие опыт и возможности исследований в рамках философии, социологии, культурологии, психологии, когнитивных дисциплин.

Вместе с тем это не равнозначно «всеядности», претензии на «многознание», которое, как заметил еще Гераклит, «уму не научает». Не «многознание», а культурно-философское интегративное знание – такова мировоззренческая и методологическая парадигма данного исследования. Немецкий философ и культуролог Э. Кассирер отмечал: «Мы погружаемся в исследование отдельных явлений в их богатстве и многообразии... Но перед собственно философским знанием стоят иные задачи: его исходный пункт и рабочая гипотеза заключаются в утверждении, что разнообразные и, по-видимому, рассеянные лучи можно собрать вместе, соединить в фокус» [162, с. 702].

В изобилии классических и современных, нередко альтернативных взглядов на культурно-цивилизационные основания социодинамики в равной мере неприемлемы как неопределенность «разброса» мнений, так и субъективно-пристрастная категоричность утверждений. Как правомерно констатировал известный мыслитель Р. Рорти, реальность одна, а описаний ее множество. Но это довод не для анемичной констатации равноценности «описаний», а для поиска такой их интерпретации, которая более адекватна реальности. Поэтому непреходящей эпистемологической ценностью остается принцип монизма, вместе с тем, открытый другим стратегиям поиска истины.

Таким образом, предпочтительным для данного исследования оказалось постижение современной социокультурной динамики в единстве взаимосвязанных *уровней*, которое обеспечивает упорядоченность и поступательную направленность ее познания. Вначале происходит описание данного объекта на *экзистенциальном* уровне в исходных и фундаментальных понятиях «культура», «цивилизация», «информация», «знания», «коммуникация», «социальная трансформация». Затем следует *эссенциальный* анализ, предметное выявление сущности индустриального, постиндустриального и информационного укладов общества. Их описание и объяснение создает предпосылки герменевтического *понимания*, то есть адекватного выявления ценностного смысла современной социальной трансформации путем ее соотнесения с основными акторами постиндустриальной модернизации и глобализации общества.

Наконец, *праксиологический* уровень – выработка практико-ориентированных предложений и рекомендаций по совершенствованию стратегии управления процессами становления информационного общества и механизмов социально-антропологической адаптации к нему. По Гегелю, «теоретическое по существу содержится в практическом, их нельзя представить себе разъединенными, ибо невозможно обладать волей без интеллекта. Напротив, воля содержит в себе теоретическое: мысля, мы деятельны» [84, с. 69–70]. Ф. Ницше также подчеркивал «опасное разграничение "теоретического" и "практического"... Не мерить двойной мерой!.. Не отделять теории от практики!» [265, с. 212].

Таковы мировоззренческие и методологические особенности данного исследования, его в принципе сложнейшие задачи, но «человек должен быть уверен, что непонятное доступно пониманию» (И. Г. Гете). Однако такое понимание – далеко не линейный процесс, и любая попытка «привести вещи в порядок сводится к оперированию вероятностями тех или иных событий... Постигание вероятностей и тем самым превращение хаоса в порядок есть чудо, которое повседневно творится культурой» [60, с. 40].

Сегодня информационное общество – уже более чем вероятность, и «чуду» его формирования в направлении зрелой реальности мы обязаны постижению фундаментальной и приоритетной роли исходных и базовых категорий современной социодинамики – информации и коммуникации, их культурно-цивилизационных и эпистемологических оснований.

Глава 1. Природа и сущность социальной информации и коммуникации

Уникальная возможность выражения взаимосвязей мира человека и человека в мире, как, собственно, и любых других феноменов, основывается на использовании соответствующих терминов, понятий и категорий. Они являются такой фундаментальной реальностью природы, структуры и динамики познавательной и коммуникативной деятельности людей, которую трудно переоценить. Еще Конфуций говорил, что если имя вещи дано верно, дело ладится, а если имя дано неверно, то дело придет в нестроение. Л. Витгенштейн отмечал, что «прежде чем спорить, нужно условиться в терминологии». Классик неопозитивизма также был убежден, что «если мы не знаем точных значений используемых нами слов, мы не можем ожидать какой-либо пользы от наших дискуссий» (цит. по: [298, т. 2, с. 25]).

Современные реалии подтверждают эту максиму. Так, по поводу ажиотажа вокруг модных ныне рассуждений об инновационной деятельности «многие серьезные специалисты считают, что значительная часть общественных претензий порождена именно терминологической путаницей, заложенной изначально». В итоге – «стремление поставить телегу вперед лошади», «инновации» вместо необходимой для них модернизации [256, с. 9].

И напротив, термины, адекватные «природе вещей», являются надежными ориентирами их освоения и координаторами коммуникаций между субъектами. Такие термины не возникают внезапно, а являются продуктом длительной эволюции теоретической и практической культуры.

В совокупности типичных характеристик современной социодинамики выделяются такие смысловые термины, как «информационное общество» (М. Порат, Ё. Масуда и др.), «постиндустриальное общество» (Д. Белл), и они соперничают с такими определениями, как «сетевое общество» (М. Кастельс), «новое индустриальное общество» (Дж. Гэлбрейт), «активное общество» (А. Этциони), «постэкономическое общество» (В. Иноземцев), «организационное общество» (Р. Престус), «постсовременное общество» (Ж. Ф. Лиотар) и др.

Отмеченные многообразные интерпретации основного содержания современного социального развития свидетельствуют о том, что мир, в который мы погружены, находится в состоянии бурной трансформации. В такой ситуации обострился триединый вопрос: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы?» Это вопрос об истоках, сути, направленности и, в конечном счете, смысле нашей жизни. Спорно, в каком социуме мы живем, но все больше оснований утверждать, что у него глубинные культурно-цивилизационные основания. Эти основания – закономерности не анонимного, безлюдного «театра теней», характерного для многих культурологических текстов, а деятельности конкретно-исторических субъектов, их смысловых интересов, ценностей и ориентиров, способности к их творческой реализации.

Библейский Иоанн призывал «любить не словом и языком, а делом и истиною» (Ин. 3: 18). «Дело и истина» человека являются безошибочным репрезентантом его уникальности. Подчеркивая это, Ф. Ницше писал: «Вы хотите жить "сообразно с природой?"... Жить – разве это не значит... быть иным, чем природа? Разве жить не значит оценивать, предпочитать, быть... отличным от всего другого?» [263, с. 59]. Эти качества человека – следствие специфического способа его жизнедеятельности.

Уже средневековые философы заметили, что библейское «В начале было Слово» неверно переведено с древнееврейского, а затем с греческого, и означает не только слово, но и действие, деятельное начало мира. Оно присуще бытию в целом и доступно познанию. И. В. Гете также усомнился в однозначно вербальном характере библейского «начала» и добивался постижения его подлинного смысла: «"В начале было Слово"». С первых строк // Загадка. Так ли понял я

намек? // Ведь я так высоко не ставлю слова, // Чтоб думать, что оно всему основа. // "В начале Мысль была". Вот перевод. // Он ближе этот стих передает. // Подумаю, однако, чтобы сразу // Не погубить работы первой фразой. // Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть? "Была в начале Сила". Вот в чем суть, // Но после небольшого колебания // Я отклоняю это толкование. // Я был опять, как вижу, с толку сбит. // "В начале было Дело" – стих гласит» [92, с. 47].

Деятельностный принцип является краеугольным камнем постижения и сути человека, и сути социально-исторического процесса. «История не делает ничего... – отмечали основатели марксизма. – Не "история", а именно человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется... История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [218, с. 102]. «Быть – значит быть в деле», – резюмирует немецкий философ К. Ясперс [430, с. 309].

Люди – авторы и актеры собственной драмы. Обстоятельства – объектная сторона деятельности, люди – субъектная, и человек формируется и развивается в их *взаимодействии*.

1.1. Понятие социальной информации

Наиболее емкие характеристики человека в мире и мира человека стремительно изменяют свой смысл. Еще сравнительно недавно, в эпоху Просвещения, человека определяли как *homo sapiens* (мыслящего, разумного) – родовой антитезы неразумного образа жизни наших растительных и животных предтеч и сосуществующих с нами существ и отсюда – морального права на господство над ними. Однако после социально-политических (прежде всего милитарных), экономических и экологических потрясений и катастроф XX – начала XXI в. легитимность человека, как разумного, поставлена под сомнение, и все более отчетливо речь идет не о его господстве над миром, а о *коэволюции* с ним, поиске фундаментальных оснований не только преемственности с эволюцией мира, но и способности по общим для нас законам кардинально преобразовать мир человека и человека в мире.

«Переоценка ценностей» в этом ключе происходит не сразу, а как синтез общественно-исторического опыта тысячелетий, становления, развития, упадка и смены его форм. Терминологически они идентифицировались по-разному, но неизменно подтверждается мысль К. Маркса о том, что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм вообще избирает путь, противоположный действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), то есть исходит из готовых результатов процесса развития» [222, с. 83]. В такой дедуктивной логике Маркс оставил блестящий афоризм: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Этот принцип объясняет, почему нас уже не удовлетворяют определения современного общества как «капитализма» или «социализма» в их классических формах и востребованы его определения в таких фундаментальных терминах, как *социальная информация и коммуникация*. Именно о них можно сказать словами раннехристианского мыслителя Плотина: «*Я во всем и все – во мне*». Однако исходное затруднение заключается в различных интерпретациях этих базовых и «сквозных» понятий. Между тем, «прежде чем спорить, нужно условиться в терминологии».

Термин *«информация»* происходит от лат. *informatio*, что обозначает *сведение, разъяснение, ознакомление*. Понятие информации спорадически рассматривалось еще античными философами и до промышленной революции XVII–XVIII вв. было преимущественно прерогативой общепhilософского, но еще не *социально-philософского* знания с его специфической проблематикой.

В общепhilософском плане существует консенсус относительно того, что информация – это не материя, а одно из ее атрибутивных *свойств*. Как и все известные свойства, она стоит в одном ряду с такими атрибутами материального мира, как пространство, время, системность, функция, структура и др. Это основополагающие понятия формализованного отражения объективной реальности в ее разнообразном бытии и проявленности. Она существует в любом материальном объекте в виде многообразия его состояний и передается от объекта к объекту в процессе их взаимодействия. Информация – это объективное свойство материальных объектов и явлений порождать множество состояний, которые посредством фундаментальных взаимодействий материи передаются от одного объекта (процесса) другому и запечатлеваются в их структуре. Существование информации, как объективного свойства материи, обусловлено ее структурностью, непрерывностью изменений (движения) и взаимодействия материальных объектов и ее состояний – взаимной передачи, хранения и преобразования «следов» ее структуры.

Структурность материи проявляется как внутренняя расчлененность целостности, закономерный порядок связи элементов в составе целого. Иными словами, любой материальный объект, от субатомной частицы до Мета вселенной в целом, представляет собой систему взаимосвязанных подсистем. Вследствие непрерывного движения, понимаемого в широком смысле

как перемещение в пространственно-временном континууме, материальные объекты изменяют свои состояния. Они также изменяются при взаимодействиях с другими объектами.

Вопрос о природе информации является сложным и относится к фундаментальным законам (загадкам) эволюции мира. Оставляя в стороне дискуссии о трансцендентном ее источнике, рационально, в естественно-историческом контексте попытаемся взглянуть на эволюцию информационного процесса.

Если исходить из закона отрицания отрицания, то он не может считаться всеобщим, и его формула применима лишь к таким известным нам процессам, которые совершаются, в конечном счете, поступательно. Такой судьбоносный сдвиг на островке Вселенной, называемой Земля, произошел в эволюции информационного процесса в течение сотен миллионов лет перехода от неживой к живой, органической материи, постепенном становлении ее биологических оснований.

Один из существенных признаков этого сдвига – появление и развитие такого информационного разнообразия, как *жизнь*, возникновение *нового, повышение высоты самоорганизации* таких субстратов, их состояний и свойств, которые не были известны ранее, в предыдущих неживых состояниях.

Без появления нового не было бы поступательного движения в развитии. В лучшем случае, это был бы просто круговорот. Новое оказывалось способным к большему совершенствованию. Однако необходимо отметить, что не всякое новое может обеспечить поступательное движение информационных процессов. Таковым является только новое, которое способствует совершенствованию объектов и их взаимодействия, создает дополнительные импульсы их развитию.

Гегель в духе своего логоцентризма редуцировал эту эволюцию до качественного скачка в информационном процессе от биологических форм в природе к осознавшей себя материи, или «истории». «В природе, – писал он, – ничто не ново под Луной, и в этом отношении многообразие ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое» [81, с. 52]. Однако, как свидетельствует комплекс наук об эволюции жизни на Земле, этот процесс был «сквозным» – от объективно целесообразной жизнедеятельности микроорганизмов до мира приматов, поразительного в пластике своей адаптации к среде.

Если поставить вопрос о механизме этого поступательного движения, то ответом является повышение *сложности* информационных процессов. Более высокая ступень неизменно оказывается более сложной по своей структуре, связям и взаимоотношениям между организмами. Усложнение есть результат кумулятивного характера этого процесса, ибо возникающее в нем новое не начисто отрицает старое, а вбирает в себя его жизнеспособные свойства, отношения, тем самым приводя к увеличению разнообразия информационного взаимодействия. Процесс усложнения, конечно, нельзя понимать абсолютно: наряду с усложнением происходит и упрощение некоторых сторон, свойств жизни. Однако упрощение есть лишь момент этого процесса, так как более высокая его ступень всегда, в конечном счете, оказывается более сложной.

Усложнение информационных процессов приводит к нарастанию разнообразия во взаимодействии, увеличению возможностей, новых дополнительных путей его совершенствования, а это, в свою очередь, вызывает возрастание его динамики, увеличивает внутреннюю и внешнюю активность. Иными словами, более высокая и сложная ступень эволюции характеризуется *ускорением*. «Чем выше, тем быстрее идет дело», – отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы» [224, с. 620].

В конечном счете, как бы не относились к гегелевскому «перерыву постепенности» в эволюции жизни, все же следует принять его вывод о том, что качественно новое в ней появляется и развивается со становлением, развитием и сменой ступеней неизвестной ранее формы жизни – человека. На современной ступени развития происходит диалектическое «снятие» преды-

дущих и пока господствующих, но все более критически воспринимаемых форм и «возврат» к идеологически нейтральным, в силу своего общенаучного характера, понятиям «информация» и «коммуникация», «информационное общество», «коммуникативное (сетевое) общество» как более адекватным выразителям смысла происходящих глубинных общественных трансформаций.

В современном мире информация представляет собой один из важнейших ресурсов или источников развития человеческого общества. В мире человека происходит усложнение информационных потоков. Одна из самых сложных структур их эволюции – человеческий мозг. Пока это единственная известная нам структура, обладающая свойством, которое сам человек называет сознанием. Говоря об информации, мы, как мыслящие существа, априорно приписываем ей, что она, кроме принимаемых нами сигналов, имеет еще и какой-то *смысл*. Формируя в своем сознании модель окружающего мира как взаимосвязанную совокупность моделей его объектов и процессов, человек использует информацию в форме смысловых понятий. *Смысл* – это подразумеваемая нами сущность любого феномена, которая не совпадает с его содержанием и связывает его с более широким контекстом реальности. В человеческом обществе решающее значение приобретает не информация как таковая, а именно ее смысловое содержание. Способность человеческого мозга создавать смысловые понятия и связи между ними является основой сознания. Сознание определенно можно рассматривать как саморазвивающуюся *смысловую модель* окружающего мира.

В настоящее время не существует единого определения информации как научного термина. С точки зрения различных областей знания, данное понятие описывается своим специфическим набором признаков и используется в различных науках (информатике, кибернетике, биологии, физике и др.), при этом в каждой из них термин «информация» связан с различными системами понятий. Иными словами, он является *общенаучным* понятием.

Информационные процессы, происходящие в материальном мире, природе и человеческом обществе, изучаются (или, по крайней мере, учитываются) всеми научными дисциплинами. Возрастающая сложность задач научных исследований привела к необходимости привлечения к их решению больших коллективов ученых разных специальностей. Поэтому практически все рассматриваемые ниже теории являются междисциплинарными.

Исторически сложилось так, что исследованием непосредственно феномена информации занимаются две комплексные отрасли науки последнего поколения – кибернетика и информатика.

Кибернетика – это мультидисциплинарная отрасль науки, исследующая такие сверхсложные системы, как человеческое общество (социальная кибернетика), экономика (экономическая кибернетика), живой организм (биологическая кибернетика), человеческий мозг в многообразии его функций, включая проблематичный искусственный интеллект. Основоположник кибернетики Н. Винер писал об информации, что она «не материя и не энергия, информация – это информация». Но основное определение информации, которое он дал в своих книгах, следующее: информация – это обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе нашей адаптации к нему. Эта мысль Винера содержит указание на объективный характер информации, то есть ее существование в природе независимо от сознания (восприятия) человека. Однако в окружающем мире множество состояний систем представляет собой информацию, но для человека они являются первичным кодом, или *кодом источника*. Таким образом, буквально каждая материальная система является источником информации.

Информатика, сформировавшаяся как наука в середине прошлого века, отделилась от кибернетики и занимается исследованиями в области способов получения, хранения, передачи и обработки (преобразования) семантической информации. Обе эти отрасли используют несколько основополагающих научных теорий. К ним относятся теория информации и ее разделы – *теория кодирования, теория алгоритмов и теория автоматов*.

Информатика – комплексная наука, включающая в себя описание и оценки методов извлечения, передачи, хранения и классификации информации. Носители информации рассматриваются как элементы абстрактного (математического) множества, а взаимодействия между ними – как способ расположения элементов в этом множестве. Такой подход дает возможность формально описать и исследовать код информации. В этих исследованиях применяются методы теории вероятностей, математической статистики, линейной алгебры, теории игр и других математических теорий. В 1928 г. основы этой теории заложил американский ученый Р. Хартли, который определил меру количества информации для некоторых задач связи. Позднее теория была существенно развита американским ученым К. Шенноном, российскими учеными А. Колмогоровым, В. Глушковым, польскими учеными Я. Лукасевичем, С. М. Мазуром и др.

Значительную роль в кибернетике и информатике играет теория алгоритмов. Впервые в истории они были разработаны известным ученым древности Аль-Хорезми в IX в. н. э. В его честь формализованные правила для достижения какой-либо цели называют алгоритмами (ранее употреблялся термин «алгорифм»). Предметом теории алгоритмов является нахождение методов построения и оценки эффективных (в том числе и универсальных) вычислительных и управляющих алгоритмов для обработки информации. Для обоснования таких методов теория алгоритмов использует обширный математический аппарат теории информации.

Современное научное понятие алгоритмов, как способов обработки информации, введено в работах пионеров информатики Э. Поста и А. Тьюринга в 20-х гг. XX в. (так называемая Машина Тьюринга). Большой вклад в развитие теории алгоритмов внесли русские ученые В. Глушков, А. Колмогоров, А. Марков (Нормальный алгоритм Маркова).

Достижения информатики и кибернетики не следует понимать в том смысле, что, как провозгласили позитивисты второго поколения – махисты начала XX в., «материя исчезла» в духе подмены материальных вещей и явлений некими информационными. Еще раз подчеркнем: информационность – это не материальность. Мы не можем назвать информацию материей уже потому, что последняя информативна, и в противном случае пришлось бы иметь дело с бессмысленным утверждением о материальности материи. Информационность мира (природы) является нематериальной предпосылкой существования и развития человека. Эта предпосылка связана с идеально-субъективными формами организации человеческих знаний и опыта, в основе чего лежат креативно-познавательные практики работы с информацией.

В какие же информационные отношения вступает человек? Ответ на этот вопрос зависит от возможных вариантов классификации данных отношений. Можно, например, исходить из того, что они, в первую очередь, связаны с реализацией материальных основ человеческого бытия. Материальная детерминанта жизни невозможна без детерминанты информационной, имея в виду, что все цели, намерения, принципы, условия и т. п. реализации материально-практической деятельности всегда (если не принимать во внимание девиантные поведения) обусловлены сознательной или подсознательной рекомбинацией (рефлексией) соответствующей информации. В данной связи вполне уместно напомнить известный тезис: кто владеет информацией, тот владеет миром. Но у человека есть не только материальная, но и духовная жизнь. Последняя также имеет информационные основания. Более того, в данной связи можно говорить еще и о различных вариантах соотношения духовных и материальных начал. Проблема, таким образом, приобретает некую глобальность, поддающуюся анализу лишь в абстракции, в соответствии с определенной «расчлененностью» и условленностью.

Учитывая сказанное, будем исходить из того, что эти отношения (особенно в их постиндустриальном измерении) могут быть охарактеризованы с точки зрения движения информации как продукта (результата, реальности и т. п.), создаваемого человеком. Информационная компонента окружающей человека действительности до определенного времени таким продуктом не является. Этот продукт создается человеком в процессе его отношений с реальным

миром. В отличие от объективности, тождественной объективности мира, он (продукт) превращается в реальность, конструируемую сознанием человека. В конечном итоге, это наши знания о структуре и закономерностях окружающего бытия как выражение его информационной «нагруженности», или его информационной «конституции».

В буквальном смысле знания человека (личностные знания) информацией назвать нельзя. Если это и есть информация, то информация «для себя», и потенциальный информационный продукт «для нас», превращающийся в актуальный путем возможных способов передачи и объективирования с помощью различных материальных средств. Прослеживается аналогия между информационной сущностью природы и человека. И в том и в другом случае речь идет об информации «для себя», и в потенциальном плане – об информации «для нас». Изменения в природе, понимаемые как движение материи, есть изменения, целесообразно упорядоченные или, если говорить иначе, выполняемые в соответствии с заданными информационными основаниями. В качестве таких оснований выступает содержащаяся в природе (материи) информация «для себя», эволюционирующая вместе с эволюцией материального мира. Но природа раскрывает себя (если раскрывает), и мы узнаем о ее закономерностях (если, конечно, узнаем). Это вытекает из наших возможностей адекватного а) воссоздания человеческой информационности на основе информационности природной (заданной); б) сознательного (творческого) конструирования нового (по отношению к человеку, но не природе) информационного продукта на основе имеющейся информации; в) объективирования личностных знаний как превращения потенциального информационного продукта в актуальный.

Если оставить в стороне сложнейшую проблему информационных превращений на уровне объективных природных закономерностей, вырисовывается схема информационных отношений человека, включающая:

а) отношения с потенциальным информационным продуктом как отношения, в одном случае, с информационным потенциалом находящегося вне человека мира и закономерностей его бытия (субъект-объектные взаимодействия), в другом случае (и на этой основе) – с информационным потенциалом самого человека: субъект-субъектные связи и реконструкция личностных знаний (внутриличностные информационные превращения) на основе имеющейся информации «для себя»;

б) отношения с актуальным информационным продуктом – объективированными с помощью материальных носителей знаниями и данными, в одном случае, как их адекватное включение в систему личностных знаний, в другом – предварительное превращение в информационный продукт «для себя» с последующим творческим переосмыслением на уровне индивидуального сознания. К этой же группе отношений следует относить и обратные преобразования субъектно-потенциального информационного продукта в актуальный, то есть все процедуры, связанные с проблемами объективирования личностных знаний.

Каждый человек в той или иной мере вступает в данные отношения, которые по природе имеют субъектно-объектный характер, ибо существуют лишь постольку, поскольку существует сам человек. Результатом же этих отношений всегда выступает реальный информационный продукт, способный принимать не только субъективные, но и объективные формы бытия. Как уже отмечалось, этот продукт имеет знаниевую сущность, ибо в своем субъективном выражении это непосредственно личностные знания субъекта, в объективном выражении – знания, опосредованные языковым формализмом и зафиксированные на различных материальных носителях. В последнем случае речь идет об информации в буквальном смысле как о явно формализованной и структурированной информации «для нас».

Каков *социокультурный смысл* информационных отношений в условиях современности? Какими бы символами ни маркировали себя общества («век Просвещения», «информационный век» и т. п.), интегральным критерием их реальности и исторической перспективы является культуротворческая способность к формированию и реализации *человеческого капитала*.

В свою очередь, этот капитал всегда следует рассматривать в конкретно-историческом контексте. Применительно к нашей теме такой подход, в конечном счете, определяет, каков реальный смысл и ценность объективных оснований современных кибернетики и информатики. Их эпицентр – это сложнейшая проблематика «информация – коммуникация», понята в *практико-гуманистическом* ключе.

Решающий парадокс этой проблематики заключается в том, что, говоря словами одного из представителей постмодерна, «мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла... Поскольку там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию и социальное» [40, с. 41–42].

В основании этой метаморфозы лежит посягательство на святая святых ранней модернизации – «трехзвенную машину» (машина-двигатель, машина-трансмиссия и машина, непосредственно взаимодействующая с предметом труда) и воплощенные в ней и обусловленные ею принципы. На определенном этапе эволюции системы «человек – машина» непосредственные, без промежуточных звеньев, связи между ними полностью исчерпали ресурс дальнейшего совершенствования и стали непреодолимым барьером не только для приумножения и качественного обновления человеческого капитала, но и вещного богатства. Даже в высокоэффективном конвейерном и полуавтоматическом производстве машина лимитирует человека, но и он – ее неограниченный прогресс.

С точки зрения потребности в восходящей эволюции человеческого капитала – это дегенерация и тупик. Кардинальный исход, казалось бы, найден в прорыве порочного круга «человек – машина». Исходный импульс задан *информационной революцией (ИР)*. Эта революция преодолевает непосредственную и жесткую связь человека с машиной, создает медиатора в виде информационно более эффективного и гибкого промежуточного звена – электронно-вычислительной машины (ЭВМ) и вначале означает революцию в способе *труда*. Но на наших глазах происходит трансформация и экспансия такого способа деятельности в масштабах всего *производства и управления*. Вместе с тем материальным субстратом ИР остается почти идеальная, но все же *машина*, в принципе способная бесконечно усиливать «разумный», поддающийся алгоритмизации, потенциал человека.

Тем не менее в технологических основах индустриального производства происходят существенные структурные сдвиги. Главный из них – несамодостаточность симбиоза машины и человека как внешних факторов, потребность в целостных и дистанционно управляемых коммуникационных *человеко-машинных* системах, перенос их центра тяжести с вещных компонентов на интеллектуальные взаимодействия, на производство информации как идущей на смену машине-вещи интеллектуальной *универсалии* производства человеческого капитала.

Культурно-цивилизационные последствия триумфального шествия информатизации широко представлены на разных уровнях, начиная с оценки небезызвестного Б. Гейтса. Он, к примеру, предсказывает, что «бизнес собирается изменяться больше в следующие десять лет, чем в последние пятьдесят», и «эти изменения произойдут в силу простой обезоруживающей идеи – потока цифровой информации» [87]. Такая ориентация перерастает в обоснование концепта «*информационное общество*» как адекватной смыслообразующей парадигмы постижения современной социокультурной динамики.

Более того, этот термин, введенный в научный оборот в начале 1960-х гг. такими авторами, как М. Порат и Ё. Масуда, в 1990-х гг. рассматривается профессором социологии университета в Беркли М. Кастельсом как *ключевой* историософский концепт осмысления логоса эволюции современного социума. М. Кастельс пишет, что «сетевые информационные структуры одновременно выступают как ее универсалии – продукты и средства... Процессы преобразований, находящие свое выражение в идеальном типе сетевого общества, выходят за пределы социальных и технических... отношений: они глубоко вторгаются в сферы культуры и

власти... Мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий» [163, с. 494–495, 503, 505].

Казалось бы, в господстве информации находит свое разрешение извечная коллизия «натура – культура». Однако, в отличие от Б. Гейтса, М. Кастельс – не апологет «информационного общества». Оно для него «не конец истории», которая «завершилась счастливым примирением человечества с самим собой. На деле все обстоит совсем иначе: история только начинается... Речь идет о начале иного бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования. Но вряд ли это может послужить поводом для большой радости, ибо, оказавшись в нашем мире наедине с самими собой, мы должны будем посмотреть на свое отражение в зеркале исторической реальности. То, что мы увидим, вряд ли нам понравится» [163, с. 505].

Креативность такого подхода все же снижается редукцией проблемы к дуальной оппозиции «натура – культура». В этой оппозиции остается неясным, *почему* глобальная информационная культура не дает повода для оптимизма, тем более – для ее оценки как «осевого», то есть смыслообразующего культурно-цивилизационного прорыва. Очевидно, ответ может быть найден путем рассмотрения противоречивого назначения информации в смысловой связке «культура – цивилизация» и производной от противоречий между ними, по определению З. Баумана, «вторичной варваризации».

В принципе информация изначально является одной из ипостасей Хаоса – неупорядоченным потоком лишенных смысла «следов», которые познаваемые объекты оставляют в сознании субъекта (не говоря уже о специальной проблеме искажающих эти «следы» технологических и операциональных «шумов»). Прибегая к образному выражению Аристотеля, оттиск на воске может означать что угодно, если мы не знаем, что на нем – отпечаток перстня. Информация – «черный ящик» таких «следов» – кодов, условных знаков. Их декодирование предполагает предварительное знание установленных кодов и последующее оперирование ими для преобразования информационного хаоса в познавательный логос. Гипотетически – мы не находим «братьев» по космическому разуму потому что не знаем смысла посылаемых ими сигналов, и наоборот – находим их там, где их нет, поскольку нам доступны лишь *антропные смыслы* в мире. В этом ракурсе «знат – значит владеть информацией. Понимать – значит проникать за знания, сквозь информацию. Знание (информация) – это экран, который надо преодолеть, чтобы выйти к иному, сделать его своим. О-своить. О-владеть. Понимать – значит "владеть сутью". Большинство людей "знают, но не владеют"... Многие люди читают, чтобы не думать», – отмечал Дидро (цит. по: [187, с. 134]).

Тем не менее сегодня многомиллионные обитатели информационной паутины убеждены, что «читая», они не только думают, но и являются подлинными *властителями дум*. «Декларация независимости Киберпространства» гласит: «Наш мир – другой... (он) одновременно везде и нигде... Ваши правовые понятия собственности, выражения личности, передвижения и контекста к нам неприложимы... Этот способ правления возникнет согласно условиям нашего, а не вашего мира» (см.: [<http://www-win.zhurnal.ru/I/deklare.htm>]).

Перед нами лишь по видимости информационный Вавилон, в котором «всяк сущий язык» дает себе имена. На самом деле содержание информационных потоков предварительно создается, символически интерпретируется и передается в определенном *смысловом* контексте. Решающая проблема – в его *направленности*, культуре обращения с информацией.

«Всемирная паутина», виртуальное киберпространство становятся ареной не только естественного культурного мессианизма, но и геополитического миссионерства и *экспансии*, которые заметно трансформируют современные социокультурные процессы. «Универсальные культурные стереотипы не отражают даже внешне действительные социокультурные, политические и экономические условия настоящего и исторического становления культуры стран, где эти информационные парадигмы теперь создаются и моделируются... Информационные куль-

турные стереотипы, внешне основанные на демократических принципах... игнорируют и фундаментальные исторические корни и черты экономического развития отдельных стран» [329, с. 107, 109].

Такая экспансия напоминает предупреждение библейского Иосифа в известной литературной версии: «Всемогущество – это, если подумать, великий соблазн. Смотри на это как на пережиток хаоса!.. Тебе придется бороться с самим собой... как когда-то с другим» [217, с. 503, 561].

Таким образом, становится понятно, что информационная революция не является само-достаточной для объяснения ключевых тенденций современной социокультурной динамики. Более того, не пройдя адаптации культурно-цивилизационными смыслами, тотальная информатизация способна стать инструментом низведения общества к «вторичной варваризации». По Достоевскому, неограниченная свобода неизбежно ведет к неограниченному деспотизму.

1.2. Понятие социальной коммуникации

Информационный процесс имеет атрибутивный и универсальный характер, и он детерминируется «своим-другим» – социальной коммуникацией. Коммуникация – это *conditio sine qua non* (неисключимое, неперемное условие) жизнедеятельности человека и порядка в обществе. Уместно изначально подчеркнуть, что если информация неограниченно долго предшествует социуму и трансформируется в нем благодаря ее осмыслению, то есть надлению антропоморфными ценностями и смыслами, то коммуникация изначально возникает только со становлением социума и непреходяще характеризует все многообразие человеческих взаимосвязей. Об этом свидетельствует уже этимология понятия «коммуникация» (от лат. *communicatio*, что означает сообщение, передача, и от «*communicare*» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать).

Социальные коммуникации можно определить как совокупность пространственно-временных условий, целей и технологий формирования и развития процессов взаимодействия субъектов. Любая социальная деятельность имеет свою пространственно-территориальную и временную протяженность, и на характер ее протекания влияют конкретные факторы экономического, политического, духовно-культурного и других состояний общества.

Наиболее характерными признаками необычности пространственно-временного континуума современной социальной коммуникации являются:

существенное усиление разнообразия и интенсивности пространственно-темпоральных конфигураций процесса взаимодействия;

ослабление или вовсе устранение пограничных барьеров;

возможность виртуализации;

демократичность («гибкость» социального устройства, экономических моделей, политики, идеологии, национально-государственных отношений и т. п.);

эффект «мировой деревни» или «всемирной общины» и др.

В своем интегральном выражении данные характеристики обуславливают ситуацию взрывного взаимодействия пространства, времени и информации, что не может не влиять на структурные и содержательные особенности становления и развития современного коммуникационного процесса.

В XX в. сформировалась научная дисциплина, известная как *теория коммуникации*, наука о коммуникациях, коммуникационная наука и даже – коммуникология, коммуникативистика или коммуникатика, а в западноевропейском и американском наименованиях – *communication studies*, или просто – *communications*, а также метадискурс (Р. Крэйг) как процесс «коммуникации/взаимодействия/интеракции», понимаемый в качестве первоосновы для многообразных процессов жизни человека и общества, а также его результатов. Согласно Н. Луману, под коммуникацией следует понимать некое исторически-конкретное, протекающее, зависимое от контекста событие, специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы перераспределения знания и незнания.

Исходя из своеобразных вех в развитии средств коммуникации, когда коренным образом изменялись методы передачи информации, ее объемы и качественные характеристики, можно выделить разные *вехи* или *этапы* в развитии социальной коммуникации. Таких вех было несколько: дописьменная первобытная культура, знаково-символическая культура, письменная культура, письменно-печатная культура, культура электронных средств социальной коммуникации. Кратко остановимся на каждом из перечисленных этапов, чтобы определить особенности их формирования и влияния на технологию социальной коммуникации.

Первый этап – первобытной дописьменной культуры – характеризуется, прежде всего, определенным устным способом передачи информации. Первоначально объемы передаваем-

мой информации были минимальными, а средствами передачи информации служили непосредственно подручные человеку знаки (огонь, предметы обихода, собственное тело и т. д.), которые помогали обозначить свое отношение к конкретной ситуации, совершить совместные (коммуникационные) действия. Необходимость передачи все более сложных (информативных) сообщений, в связи с усложнением условий жизнедеятельности человека, привела к формированию речевой и далее – письменной культуры.

Следует отметить, что, несмотря на существование письма, сначала иероглифического, а потом – алфавитного, все древние традиционные культуры были по преимуществу устными. Расцвет устной культуры многие исследователи связывают с фактом передачи больших устных текстов, преимущественно эпического характера. На данном этапе характерна в целом сакрализация передаваемого устного текста. Например, в Древней Индии огромные тексты, которые считались данными богами, заучивались наизусть, и таким образом сохранялась преемственность культуры на протяжении многих тысяч лет. Образцом развития устной культуры может служить Античная Греция, в которой при условии существования письма доминирующую роль все же играли устные средства социальной коммуникации. Пиком их развития является риторика как искусство совершенной устной коммуникации, основанной на убеждении. Постепенно роль устной коммуникации меняется, и на первый план выходит письменность как возможность не только непосредственно обмениваться информацией, но и фиксировать ее, сохраняя и передавая информацию во времени и пространстве.

Письмо было эпохальным прорывом в развитии коммуникации. В истории развития письменности можно выделить два этапа. Первый – это развитие иероглифического письма, второй – появление алфавита. Иероглифическое письмо появилось в глубокой древности, примерно в 4-м тысячелетии до н. э. в Месопотамии. Первоначально оно носило фигуративный характер, непосредственно рисунком обозначая предмет. Такое письмо позволяло выразить прямой смысл передаваемой информации, так, например, рисунок птицы обозначал птицу и т. д. Уже в Древнем Египте иероглифическое письмо усложняется, позволяя передавать некоторые абстрактные высказывания, хотя, следует отметить, сохраняет преимущественно образный характер письменного языка. Такой язык был перегружен символами и был чрезвычайно труден для запоминания и использования.

В этом смысле изобретение шумерами алфавита значительно упростило способ передачи и записи информации. Древние шумеры стали использовать знаки не для передачи отдельных понятий, а для обозначения звуков языка, то есть происходит процесс сближения устного и письменного языков. Изучение алфавита не требовало колоссальных усилий по сравнению с иероглифическим письмом, письмо стало более активно использоваться в общественной жизни. Конечно, развитие письма было бы невозможным, если бы не развивались такие материальные средства передачи информации, как папирус, бумага и т. д., которые, в отличие от глиняных табличек, были более удобны в повседневном использовании. Письменные тексты становятся так называемой социальной памятью, позволяя сохранять и передавать знания, расширяя сферу их применения. По сравнению с Античной Грецией, культура Древнего Рима была уже по преимуществу письменной, так как письменность играла там одну из главных ролей в социальной коммуникации: взаимоотношения между людьми в социуме определялись письменными источниками, текстами, законами. Письменный текст более достоин доверия, как носитель «истинного знания», в отличие от устной речи, которая становится полем доминирования мнений, зачастую ложных. В письменной культуре впервые происходит процесс деперсонализации знания, знание о мире и человеке получает объективированное выражение. По мнению английского социолога Э. Геллнера, изобретение письменности сравнимо по своему значению с происхождением государства. «По-видимому, – пишет он, – письменное слово входит в историю вместе с казначеем и сборщиком налогов: древнейшие письменные знаки свидетельствуют, прежде всего, о необходимости вести учет» [88, с. 37–38]. В. М. Меж-

уев определяет письменность как язык цивилизованного человека в отличие от устного языка народов, находящихся на доцивилизационной стадии развития.

Распространению письменной культуры способствовало развитие технических средств передачи информации, революционным достижением которого стало изобретение печатного станка. С этого времени начинается так называемая *эпоха Гутенберга*. Она характеризуется принципиально новым уровнем развития технологий социальной коммуникации, когда различные средства коммуникации начинают использоваться совместно для получения оптимального результата в обеспечении коммуникативного процесса. Печатание приносит с собой возможность широкого тиражирования письменных текстов, процесс письменной коммуникации становится доступным большому количеству людей. Напечатанное знание потенциально общедоступно, что делает процесс социальной коммуникации качественно совершенно другим. «Большой скачок, – пишет Э. Тоффлер, – был сделан с изобретением письма, но и он проходил веками. Следующий большой скачок по направлению к приобретению знаний – изобретение в пятнадцатом веке Гутенбергом и другими печатания. До 1500 года, по наиболее оптимистичным подсчетам, в Европе издавалось около 1000 книг за год. Это означало, что потребуется целый век для создания библиотеки в 100 000 томов. Через четыре с половиной века, к 1950 г., этот уровень так возрос, что Европа выпустила 120 000 книг в год. Количество времени сократилось со столетия до десяти месяцев. К 1960 году, десятью годами позже, был сделан еще один рывок, и вековая работа требовала уже только семи с половиной месяцев. К середине 60-х годов мировое производство книг, включая Европу, достигло уровня 1000 книг в день» [352, с. 26].

Как считает Г. М. Маклюэн, описывая эту эпоху в своей книге «Галактика Гутенберга» [214], именно появление печатного станка спровоцировало появление нового типа человека – «индустриального» человека с его ориентацией на технический прогресс. Издание книг, кроме получения непосредственной экономической прибыли, приводило к тому, что новейшие идеи и научные исследования получали широкое распространение, способствуя секуляризации общественной жизни, становлению рационализма и светского просвещения, более динамическому развитию культуры.

С наступлением *эпохи электронной коммуникации* развитие коммуникативных средств и технологий пошло по пути диверсификации и интенсификации. Одновременно развиваются различные технические отрасли, приводя к совершенно новым техническим изобретениям, позволяющим значительно обогатить коммуникативные возможности человека, сделать коммуникацию более эффективной. В 1839 г. появляется фотография, так называемая дагеротипия, что позволяет «схватывать» и передавать визуальную информацию. Появление телеграфа позволило сократить во много раз время передачи информации с одной точки в другую. В 1877 г. Т. Эдисон впервые осуществил звукозапись, способствуя непосредственной фиксации речевого акта, а созданный и запатентованный в 1876 г. А. Беллом телефон позволил человеку забыть о пространственных ограничениях процесса коммуникации. Эту эпоху по праву называют эпохой первой технической революции в области массовой коммуникации: технические изобретения практически полностью изменили лицо культуры, являясь до сих пор ядром современной цивилизации, проходя по пути все большего усовершенствования.

В 1895 г. русский физик А. С. Попов изобрел устройство, которое теперь носит привычное название «радио», что позволило сделать канал передачи вербальной информации на тот момент предельно массовым. Многие стороны жизни стали принципиально открытыми, появилась возможность транслировать артефакты музыкального и литературного искусства, делая их продуктами массового тиражирования. Именно по радио люди получали большое количество актуальной, «свежей» информации. Большинство политических деятелей того времени пользовались данным каналом для получения эффекта широкомасштабного воздействия на массы и распространения своих идей.

Отдельным этапом в развитии одновременно и средств коммуникации, и нового вида искусства послужил *кинематограф*, который постепенно начал вытеснять из культурной жизни театр, так как был не просто завораживающим техническим чудом, но и доступным массовым развлечением.

Коммуникация, как относительно самостоятельный объект социальных наук, выделилась в связи с развитием технико-технологических средств передачи информации, особенно радио в 20-х гг. XX в., позднее – с развитием техники и технологий в целом и телевидения и компьютеризации в частности, а в современных условиях – с развитием процессов глобализации и региональной интеграции.

Первая кафедра коммуникации была открыта в 1950-х гг. в США. Осмысление коммуникации развивалось, как минимум, по трем направлениям:

англо-американское, направленное на лингвистический анализ и «прояснение языкового опыта» (Л. Витгенштейн);

французское, не ограничивающееся языковой коммуникацией и включающее такие различные социальные проблемы коммуникации современного общества, как осмысление идеологии и власти, критика капитализма, постижение дискурса;

мультинациональная «философия диалога» (М. Бубер, Э. Левинас, М. Бахтин, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, О. Розеншток-Хюсси, В. С. Библер и др.).

Теория коммуникации развивается целым рядом наук. Среди них:

этнография изучает бытовые и культурологические особенности коммуникации как общения в этнических ареалах;

психология и психолингвистика рассматривают факторы, способствующие передаче и восприятию информации, процесс межличностной и массовой коммуникации, а также различные аспекты коммуницирующих субъектов – коммуникантов;

лингвистика вербальной коммуникации – нормативным и ненормативным употреблением слов и словосочетаний в речи – устной и письменной, диалогической и монологической и других ее типах;

паралингвистика рассматривает способы невербальной коммуникации – жесты, мимику и другие несловесные коммуникативные средства;

социолингвистика сосредоточена на социальной природе языка и особенностях его функционирования в различных сообществах, механизмах взаимодействия социальных и языковых факторов, обуславливающих контакты между представителями различных групп;

социология коммуникации изучает ее социальную структуру и в частности – функциональные особенности общения представителей различных социальных групп в процессе их взаимодействия и в результате воздействия на их отношение к социальным ценностям данного общества и социума в целом.

С точки зрения Д. П. Гавры, в теориях коммуникации можно выделить два основных подхода к ее пониманию:

процессуально-информационный подход, в рамках которого разработаны такие теоретические конструкты коммуникации, как модель Г. Лассуэлла, математическая модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, социально-психологическая модель коммуникации Т. Ньюкомба, модель Дж. Гербнера, интегральная (обобщенная) модель коммуникации Б. Вестли и М. Маклина, трансакционная модель коммуникации представителя техасской школы коммуникации А. Тэна;

семиотический подход, акцентирующий внимание на знаках и знаковых системах, представлен структурно-лингвистическим направлением и концепцией знака Ф. де Соссюра, логико-философским направлением и моделью знаков Ч. Пирса, логической моделью знаков Г. Фреге, а также работами Ч. Морриса, Ч. Огдена и И. А. Ричардса.

Заметно растет влияние *системно-кибернетической* методологии. В ее рамках в науку о коммуникациях был сделан существенный вклад, в частности такими социологами, как Т. Парсонс и Н. Луман, кибернетиками Н. Винером (в том числе осмысление прямой и обратной связи), Х. фон Фёрстером (различение кибернетики первого и второго порядка). Важно учитывать и когнитивные теории коммуникации (Ч. Осгуд), влияние структурализма на осмысление коммуникации (К. Леви-Стросс), критический подход к коммуникации (марксизм, Франкфуртская школа), культурологическое направление (Р. Хоггарт, Р. Уильямс, С. Холл). В их рамках путем анализа дискурсов, действий и текстов, как несущих определенные идеологии, поддерживающих и укрепляющих власть одних социальных классов и групп над другими, рассматривается роль власти и насилия в коммуникационных процессах.

В теориях коммуникации различные авторы по-разному определяют понятие *коммуникативной личности*. На философском уровне сущности понятий «личность» и «коммуникативная личность» совпадают. Личность, как социокультурный субъект, социализированный индивид, не может существовать иначе, как коммуникативная личность, «человек общающийся».

Коммуникативная личность – одновременно человек, общавшийся в прошлом, – субъект и продукт предшествующей коммуникации, человек, общающийся реально, – в настоящем, и человек, общающийся потенциально, готовый к общению в будущем. В любой коммуникативной личности всегда присутствуют и неразрывно увязаны все эти три темпоральных среза – прошлая, настоящая и будущая/потенциальная коммуникация.

В коммуникациях *по средствам их осуществления* выделяются следующие основные виды: вербальная коммуникация; невербальная коммуникация или коммуникация, осуществляемая в паралингвистическом дискурсе: коммуникация с помощью знаков; коммуникация с помощью жестов; коммуникация с помощью символов; коммуникация с помощью других паралингвистических средств (например, мимики, поз и др.).

По субъектам коммуникации и типу отношений между ними принято выделять следующие ее виды:

межличностная коммуникация – вид личностно-ориентированного общения, связанный с обменом сообщениями и их интерпретацией двумя или более индивидами, вступившими в определенные отношения между собой; вид коммуникации в ситуации межличностных взаимодействий и/или отношений;

межгрупповая коммуникация – вид взаимодействия людей, детерминированный их принадлежностью к различным социальным группам и категориям населения, независимый от их межличностных связей и индивидуальных предпочтений;

публичная коммуникация – вид институционального (статусно-ориентированного) общения с публикой (значительным числом слушателей); сообщение в такой коммуникации затрагивает общественные интересы и приобретает публичный характер;

массовая коммуникация – процесс систематического распространения информации, носящий институциональный характер, а также передача специально подготовленных сообщений с помощью различных технических средств на численно большие, анонимные, рассредоточенные аудитории; является регулятором динамических процессов общественного сознания, интегратором массовых настроений, а также мощным средством воздействия на индивидуальность и группы.

Осмысление выбора определенной комбинации способов, форм и средств коммуникационного процесса лежит в основе понятия *технологии коммуникации*, претерпевшей к настоящему времени существенную трансформацию.

Проблема *типологии* социальной коммуникации также не обделена вниманием специалистов самых разных научных дисциплин. В самом общем виде выделяют типы коммуникаций: по форме использования языка – вербальная и невербальная; по степени охвата аудитории –

коммуникация в малых группах, коммуникация внутри организации, массовая; по характеру взаимодействия – монолог, диалог, полилог; по области реализации – религиозная, политическая, музыкальная коммуникации и т. д.; по условию обращения – непосредственная и опосредованная; по характеру речевой ситуации – официальная, бытовая и т. д. В рамках данного исследования наиболее целесообразным видится рассмотрение двух первых типов.

Как уже было отмечено, по форме использования языка можно выделить вербальную (языковую) и невербальную коммуникации, которые являются естественными каналами передачи информации.

Вербальная коммуникация реализуется при употреблении слов, словесных выражений, использование которых упорядочено правилами, существующими в данном языке. Когда мы говорим о вербальной коммуникации, то имеем в виду, прежде всего, речевую коммуникацию. Речевая способность – одна из определяющих характеристик человека как разумного существа. Язык служит инструментом для передачи смысла и непосредственного содержания социальной коммуникации. Следует отметить, что речь может вестись о языке только в том случае, если можно выделить минимальную значимую единицу в структуре языка при условии существования набора этих единиц и правил, определяющих их системную организацию и условия перевода на любой другой язык.

Невербальная коммуникация представляет собой такой тип коммуникации, при котором коммуникативное сообщение сопряжено с передачей информации о характере, прежде всего – об эмоциональном состоянии взаимодействия общающихся. Данный тип коммуникации обычно дополняет вербальную коммуникацию, зачастую значительно влияя на понимание содержания сообщения, его смысла другим человеком. В процессе невербальной коммуникации человек получает информацию о личности коммуникатора, об отношении коммуникаторов друг к другу, а также об отношении к самой ситуации коммуникации. Необходимо отметить, что формы невербальной коммуникации являются первоначальным этапом в развитии коммуникационного акта, как в онтогенезе, так и в филогенезе. Сначала это выражается в непроизвольном выражении своего эмоционального состояния (крик, улыбка и т. д.), отношения к характеру коммуникативной ситуации, а затем возникает их сознательное употребление и возможность манипуляции невербальными формами коммуникации при передаче сообщений. Посредством невербальной коммуникации человек получает порядка 90 % информации, которая зачастую воспринимается им бессознательно.

Существуют различные формы невербальной коммуникации, среди которых можно выделить паралингвистическую коммуникацию, зрительную коммуникацию, коммуникацию посредством мимики и пантомимики (кинестезическая коммуникация), тактильную коммуникацию, проксемическую коммуникацию.

Паралингвистическая коммуникация является дополнительным средством для придания вербальной коммуникации большей выразительности и эмоциональной звуковой окраски. К данному типу коммуникации относятся комплекс неязыковых звуков (стон, крик, смех, сипение и т. д.) и такие различные признаки коммуникации, как высота и интенсивность звука, тембр речи, интонация, а также паузы, темп речи.

Говоря о *зрительной коммуникации*, следует отметить, что зачастую она является определяющим фактором нашего восприятия. Посредством зрения мы устанавливаем первичный контакт с собеседником при непосредственном общении и далее можем влиять на характер протекания коммуникационного процесса. В данной форме коммуникации закрепились выражения, не относящиеся напрямую к свойствам человеческого взгляда, но образно выражающие эмоциональное либо оценочное отношение коммуникатора, его эмоциональные состояния, например холодный взгляд, злой, пронзающий, отсутствующий и т. д. Особенности проявления зрительной коммуникации свидетельствуют о характере отношений между людьми, например, в ситуации близкого доверительного общения коммуникаторы постоянно сохраняют зри-

тельный контакт, тогда как в случае общения с малознакомым человеком визуальный контакт менее интенсивен.

Мимическая коммуникация часто дополняет другие виды коммуникации, выступая «универсальным языком», в общем понятным всем людям без исключения. Мимическая коммуникация раскрывается через различные выражения лица, которые являются своеобразными иллюстраторами нашего внутреннего эмоционального состояния. Зачастую многие мимические выражения возникают у человека бессознательно, являясь реакцией на коммуникативную ситуацию.

Пантомимическая, или кинестезическая, коммуникация имеет более сложный семантический характер, чем мимическая коммуникация. Дополняя вербальную коммуникацию посредством жестов, движений, положений тела, кинестезическая коммуникация может полностью заместить ее, в частности, в ситуации общения глухонемых. Более того, кинестезическая коммуникация в большей степени зависит от культурного контекста, в котором совершается коммуникативный акт, например, в одних культурах кивок головой имеет характер утверждения, в других – характер отрицания.

К своего рода «биологическим» видам коммуникации можно отнести *тактильную коммуникацию* (непроизвольная паралингвистическая также является основополагающей в процессах филогенеза и онтогенеза). Большую роль тактильная коммуникация играет в детском возрасте, так как именно через прикосновение передается отношение матери к ребенку и соответственно – отношение мира к ребенку. В более поздний период тактильная коммуникация скорее говорит о степени межличностных отношений либо выполняет символическую функцию при социальном взаимодействии, например рукопожатие, которое является знаком доверия, похлопывание по плечу как выражение поддержки и т. д.

Проксемическая коммуникация говорит об особенностях коммуникационного акта исходя из межличностной дистанции. Характер межличностной дистанции определяется личностными качествами коммуникаторов, отношениями между ними, культурными особенностями сообщества, в котором они находятся. Можно выделить четыре зоны, обуславливающие характер межличностной коммуникации, – интимная, личная, социальная и общественная. Нарушение границы той или иной зоны коммуникаторами может внести существенные изменения в процесс коммуникации либо полностью разрушить ее.

Таким образом, невербальная коммуникация является дополнительным источником информации, который в большинстве случаев активно воздействует на характер и весь ход вербальной коммуникации.

Реализация вербальных и невербальных видов коммуникации нередко зависит от степени ее охвата коммуникационным процессом. Очевидно, что невербальные формы могут проявляться более ярко при непосредственном межличностном общении, чем, например, в массовой коммуникации.

В зависимости от степени охвата аудитории коммуникация может разделяться на межличностную, коммуникацию в малых группах, коммуникацию внутри организации, массовую.

Межличностная коммуникация предполагает ситуацию непосредственного общения между коммуникаторами и, в свою очередь, делится на персональную или имперсональную. *Персональная коммуникация* основана на уникальности каждого человека в ситуации коммуникации. Она обычно протекает между знакомыми людьми, которые обмениваются личными мнениями, взглядами, частными проблемами и т. д. *Имперсональная коммуникация* – это ситуация непосредственного общения между чаще всего незнакомыми индивидами для достижения конкретной практической цели. Такой характер носит, например, деловая коммуникация.

Коммуникация в малых группах возникает в конкретных референтных группах, к которым относится человек. Примером таких групп могут выступать класс, команда, группа, объединенная общим интересом. В большинстве случаев процесс общения рождается в про-

цессе совместной деятельности, в данном случае успешная групповая коммуникация влияет на характер протекания совместного деятельностного процесса, так как реализует функции взаимопонимания и взаимоподдержки.

Коммуникация внутри организации является более общей формой групповой коммуникации и характеризуется общей стратегической целью, которую она реализует в сообществе. Данный тип коммуникации может проходить как на уровне социальных институтов, так и на уровне конкретных организаций, занимающихся той или иной деятельностью. Процесс коммуникации данного типа имеет, как правило, более опосредованный и формализованный характер.

Массовая коммуникация направлена на охват аудиторий большого количества людей. В большинстве случаев массовая коммуникация носит опосредованный характер. Она стала возможна только с появлением феномена массового общества, «человека-массы» (Х. Ортега-и-Гассет), а также развитием таких средств массовых коммуникаций, как радио, телевидение и т. д. Как один из подтипов массовой коммуникации можно выделить *публичную коммуникацию*, так как публика представляет собой массовое собрание людей, объединенных какой-то целью. Массовая коммуникация носит по преимуществу однонаправленный характер, хотя в случае публичной коммуникации мы можем наблюдать обратную связь, которая выражается, например, в реакции аудитории. Массовая коммуникация направлена на анонимного реципиента и обращается ко всем возможным коммуникаторам сразу. С развитием цивилизации роль массовой коммуникации все больше возрастает, так как современные электронные средства коммуникации позволяют существенно расширить границы коммуникативного процесса.

Данные средства сформировались сравнительно недавно и характеризуют собой совершенно новую стадию социальной эволюции, равно как и новые возможности, типы и формы социальной коммуникации. История же последней в контексте формирования средств коммуникации уходит в глубь веков человеческой цивилизации. Средства коммуникации значительно расширяют те коммуникативные возможности человека, которые изначально заложены в его природной сущности. История их возникновения фактически неотделима от возникновения элементарных потребностей в общении. Первые средства коммуникации мало напоминали современные. Постепенно развиваясь и становясь более технически совершенными, новые средства коммуникации привели к качественным трансформациям человеческой культуры и способов социальной организации.

Отмеченные фундаментальные сдвиги в практике и теории социальных коммуникативных процессов на порядок повысили интегративную роль *семиотики, или семиологии* (с древнегреч. – знак, признак), – науки, исследующей состояние естественных и искусственных языков, свойства знаков и знаковых систем. Согласно Ю. М. Лотману, под семиотикой понимается наука о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения.

В семиотике выделяются три основных аспекта изучения знака и знаковой системы:

синтаксис (синтактика) изучает внутренние свойства систем знаков безотносительно к интерпретации;

семантика рассматривает отношение знаков к обозначаемому;

прагматика исследует связь знаков с «адресатом», то есть проблемы интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и ценности для интерпретатора.

Наиболее существенные результаты в междисциплинарном поле достигнуты в *семантике*. Предметом ее исследований является смысловое содержание информации. Знаковой считается система конкретных или абстрактных объектов (знаков, слов), с каждым из которых определенным образом сопоставлено некоторое значение. Таких сопоставлений может быть по меньшей мере два. Первый вид соответствия определяется непосредственно материальным объектом, которым обозначается слово, и оно называется «денотат» (или в некоторых работах – «номинат»). Второй вид соответствия определяет *смысл знака (слова)*, и он

называется концептом. При этом исследуются такие свойства сопоставлений, как «смысл», «истинность», «определимость», «интерпретация» и др. Для исследований нередко используется аппарат математической логики и математической лингвистики.

Идеи семантики, намеченные еще Г. Лейбницем и Ф. де Соссюром, сформулировали и развили Ч. Пирс, Ч. Моррис, Р. Карнап и др. Их основным достижением стало создание аппарата семантического анализа, позволяющего представить смысл текста на естественном языке в виде записи на некотором формализованном семантическом (смысловом) языке. Семантический анализ является основой для создания устройств (программ) машинного перевода с одного естественного языка на другой.

Слово есть *символ символов*, соединяющий мыслящего человека с реальностью. Оно не дано сразу в непосредственном чувственном опыте, но постепенно и опосредованно извлекается из нее и предстает в формах искусственных знаков – значений сущностей вещей. Ф. Ницше писал об устойчивой иллюзии воспринимать слово как нечто само собой разумеющееся, «самое правильное, самое простое выражение», в котором «бытие хочет стать словом». В действительности – «сначала образы... Затем слова, отнесенные к образам. Наконец, понятия, возможные лишь когда существуют слова, – соединение многих образов в нечто невидимое, но слышимое (слово)». И лишь в конечном счете «мы мыслим... в форме речи» [265, с. 233, 241].

Многозначная роль языка изучается рядом наук. В семиотике выясняются не только природа и сущность, но и *функции* языка.

Информационная функция означает выработанный человечеством способ освоения, хранения, передачи и преобразования совокупности знаково-символических образов родовых и видовых свойств вещей и процессов, вовлеченных в мир человека, различных проявлений его чувственного и интеллектуального опыта.

Коммуникативная функция языка, в особенности письменность, обеспечивает деятельное и универсальное – непосредственное и опосредованное – общение между людьми. «Для того чтобы понимать друг друга... – писал Ф. Ницше, – надо еще обозначить теми же словами один и тот же вид внутренних переживаний, надо иметь с собеседником *общий* опыт» [263, с. 310]. Еще более возрастает роль языка в общении между народами. В этом ракурсе, например, по замечанию известного культурфилософа Н. И. Конрада, японцы – «жадные читатели и усердные переводчики». В контексте обострения проблемы государственного языка в ряде постсоветских стран поучителен опыт функционирования государственных языков в Бельгии, Швейцарии, Финляндии. Благой пример – и русско-белорусское двуязычие.

Кумулятивная функция языка заключается в его способности быть не только хранителем, но и накопителем информации о человеческом опыте. Динамичная пластика языка почти полностью замещает генетическую память, но главное – обеспечивает его способность опереться на совокупный социальный опыт и быть инструментом его обогащения. «Язык – это наследие, получаемое от предков, и оставляемое потомкам наследие, к которому нужно относиться... с уважением, как к чему-то священному», – отмечал Ф. Ницше [263, с. 324].

Роль письменности, как связующей нити между прошлыми, настоящими и будущими поколениями, убедительно продемонстрирована П. Сорокиным в мысленном опыте. «Представим на минуту, – писал он, – что во всех цивилизованных странах все графические обозначения – книги и так далее – были бы неожиданно уничтожены... Такое разрушение сокрушило бы нашу цивилизацию, превратив ее в реликт, подобный часам старых соборов, которые никто не может завести, потому что ключи потеряны» [343, с. 210].

Но истории известен обратный – и потрясающий – эффект: народы – творцы древнегреческого и латинского языков – канули в Лету, а их языки не только живут, но и остаются корневой системой современных европейских языков.

Коммуникативные функции языка проявляются в двух ипостасях – по «горизонтали» и «вертикали». В первом ракурсе язык служит средством согласования совместных действий

людей на основе взаимопонимания относительно значимых для них феноменов и их символов. Другой, «вертикальный», ракурс – постоянное обозначение словом процесса руководства людьми. По словам американского историка А. Шлезингера, «привлечение широких масс на свою сторону требует от руководителя не только умения ставить цели, но и доводить их до современников. Язык связывает политику с реальностью» [409, с. 623].

Способность человека выполнять жизненно важные функции с помощью символической системы, прежде всего языка, имеет универсальный характер. Символика жестов, танца, музыки, архитектуры также изначально и непреходяще обладает коммуникативным смыслом и потенциалом. Вербальный же язык не всегда велик, но нередко могуч своими *дисфункциональными* проявлениями: понятиями и суждениями – «перевертышами», то есть бессознательными ошибками или сознательной «подменой основания», выражением иллюзорных представлений человека о мире и о себе. Естественное следствие – деформации или даже разрыв коммуникации.

Дисфункции языка – результат действия неоднородных факторов. Их общий исток – преобладание процессов *дифференциации*, обособления человеческих общностей над их интеграцией. Этот феномен емко выражен в библейской притче о Вавилонской башне. По существу, язык – это средство не только интеграции, но и дезинтеграции народов.

Проблематичной остается роль *незрелости* общественно-исторической, в том числе духовной, практики в деформировании языка. К примеру, версия Земли «на трех китах», поиски «философского камня» или «флогистона». Свою лепту вносит и запечатлевающий эту незрелость консерватизм письменного слова. Сократ относился к письменному слову как к беззащитному, открытому для спекуляций и злоупотреблений. В отличие от устной речи, письменный текст не может постоять за себя. Но далеко не всегда может постоять за себя иная устная речь.

Насилие над языком – горький плод и социально-политических страстей. В особенности это относится к *эвфемизмам* – сознательно конструируемым словам-призракам, сущему проклятию чистоты языка. Они проявляются в деформациях функций языка как форма социальной магии, призванная скрыть эгоцентричные интересы. Например, «общество благоденствия», «либерализм», «мировая шахматная доска», «гуманитарная интервенция» и т. п.

Как полифункциональный «блеск» языка, так и «нищета» его многочисленных дисфункций нередко ведут к представлениям о языке не как инструменте постижения или искажения реальности, а как о ее творце. Еще Цицерон заметил, что духовную жизнь античного мира «давно мучают споры о словах». Это споры о Слове как начале мира, его со-творении, смысловом и системообразующем центре упорядочения хаоса, символического-знакового выражения его логоса. *Nomen est nomen* (называть значит знать) – говорили римляне. Итогом стал феномен «сумасшедшего фортепиано», о котором писал французский просветитель Д. Дидро: оно возомнило, что само сочиняет музыку. Таким, по сути, сумасшествием было официальное приветствие последних римских императоров «Ваша вечность!», и это в то время, когда империю уже крушили так называемые «варвары». А как относиться к заявлению Н. Хрущева с трибуны ООН в адрес Запада: «Мы вас закопаем» или словам «Союз нерушимый...» из гимна позднего, уже уходящего с исторической сцены Советского Союза?

Все это и многое подобное – эдипов бунт сына против отца, попытка сына-языка поставить на колени отца – творящую язык практико-преобразующую деятельность человека. *Nomen est nomen* (знать – значит называть). Поэтому называя современность такими «именами», как переход к «постиндустриальному», «информационному», «сетевому» и т. п. обществу, уместно поставить и предложить адекватную интерпретацию культурно-цивилизационных оснований этих объективных тенденций, выявить их корневую систему.

1.3. Культурно-цивилизационный контекст информационно-коммуникативных процессов

Благодаря информационному и коммуникативно-семиотическому *характеру* своей деятельности человек взаимосвязан с «первой» – космической, «второй» – социальной и «третьей» – аксиологической природой. Первая из этих связей – «человек – природа», вторая – «человек – человек» и третья – «человек символический».

Становление и развитие взаимодействия «человек – природа» обусловлено мощным импульсом динамики нашей планеты и объективно – ответом наших предтеч на вселенский вопрос «Быть или не быть?» в обретении ими в процессе эволюции способности перехода от адаптивного поведения к познанию сущностных связей окружающего мира, их имитации и реконструкции в *технологиях* (греч. *techne* – одновременно орудия и искусство их создания и совершенствования). Однако общественное производство по своей сути и значению выходит далеко за рамки организмического отношения «человек – природа». «Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь», – отмечал К. Маркс [236, с. 94].

Объективно самоцелью этой деятельности является «богатый человек... нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни». «Богатый человек» – это творец *общественного богатства*. «Чем иным является общественное богатство, как не универсальностью потребностей и способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданных универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой "природы", так и над силами собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека без каких-либо предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительных к какому бы то ни было заранее установленному масштабу», – писал Маркс [233, с. 476].

Такая деятельность лишь внешне аналогична стадному или родовому образу жизни. Производство требует нового типа отношений «человек – человек» на основе формирования, получения, хранения, передачи (обмена) и переработки информации относительно общественных отношений. Родовую потребность в них эмоционально выразил Вольтер: «Пусть уж будет как будет, здесь моя цель – изучить человека, живущего в обществе. Не могу в нем жить, если существует общество вне нас» (цит. по: [136, с. 353]). Невозможность социальной робинзоны выявил Л. Фейербах: «Понятие человека непременно предполагает другого человека, или точнее – других людей, и только в этом отношении человек есть человек в полном смысле этого слова» [362, с. 190].

Термин *общество*, или *социум*, есть «обозначение согласия и принятия неких ценностей, но в то же время и сила, которая делает согласованное и принятое величественным. Общество оказывается такой силой потому, что, подобно самой природе, оно существовало задолго до нас и сохранится после того, как каждый из нас покинет этот мир» [51, с. 2]. Поэтому, согласно А. Камю, *если нет нас, нет и меня*. Но справедливо и обратное: *если нет меня, нет и нас*. Взаимосвязь «общество – субъект» – это проблема не «яйца или курицы» или, говоря на философском языке, первичности или вторичности. Меня нет без нас, но быть «наедине с собой» – это также необходимая предпосылка для самореализации в обществе и тем самым – реального приращения субъектом своих сущностных сил.

Таким образом, «вторая природа» человека заключается в общественном (социальном в широком смысле слова) характере *объект-субъектных* и *субъект-субъектных* информационных и коммуникативно-семиотических взаимосвязей его деятельности.

Однако эта характеристика была бы неполной без внимания к их ценностному измерению. *Аксиология* (от греч. *axio* – ценность) – это философское знание о человеческой деятельности с присущими ей значениями и ценностями. С того момента, когда мифическая Сфинкс вопрошала Эдипа, мы задаемся парадоксом: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы? Что такое в нас самих стремится к истине?.. Мы спросили о ценности этого стремления... мы хотим истины: почему же не лжи?.. Проблема ценности истины предстала перед нами – или мы сами подошли к этой проблеме? Кто из нас здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [263, с. 154].

Очевидно, «сфинкс» – тот внешний мир, с которым Эдип-человек связан не как с данностью, а как с требующей постоянного разрешения проблемой. Они неизменно имеют двусторонний характер: с одной стороны, субстрат потребностей, или объективно существующие свойства вещей, структур, процессов, а с другой – сознательно целеполагающее определение человеком их назначения для себя. Цели предшествует *оценка* вещей, осознание *значимости* их свойств для человека, которые в силу этого становятся *ценностью* для него. П. Сорокин писал, что «под значением» нужно понимать «все то, что для одного сознания... имеет значение и ценность, возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий» [343, с. 191–192, 200].

Ценность не существует ни как самодостаточная «вещь в себе», ни как творение «из ничего» в сознании. Она всегда возникает в информационно-коммуникативных процессах, выражает их взаимосвязь и имеет объектно-субъектный характер. Отсюда потребность «связывать ценность данного поступка, данного характера, данной личности с намерением, с целью, ради которой действуют, поступают и живут» [343, с. 310]. Неизменно «центром является человек... все в этом мире приобретает смысл, значение и ценность в соотношении с человеком» [25, с. 509].

С точки зрения немецкого философа Г. Риккерта, первостепенен *человекотворческий* характер ценностей. «Как бы широко мы ни понимали эту противоположность (природы и культуры. – А. Л.), сущность ее всегда остается неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком... В объектах культуры, таким образом, заложены ценности», – отмечал он [314, с. 53].

Ценности – это любые символически выраженные феномены (вещи, процессы, поступки), которые значимы для человека во взаимосвязи между их объективными свойствами и потенциальной, а в практической деятельности – реальной, способностью удовлетворять потребности человека, служить достижению желаемых целей. Поэтому, писал Ницше, «тот, кто вне ценностей культуры, подобен умирающему от жажды посреди моря» [263, с. 209].

Ценностно-ориентированный и практико-преобразующий характер человеческой деятельности предполагает особый способ духовного освоения мира и его феноменов – их символическое, знаковое и прежде всего вербальное обозначение. Э. Кассирер, автор «Философии символических форм», даже полагал, что суть человека – в его символической системе. Человек живет не столько в физической, сколько в символической Вселенной. Поэтому он не только мыслящее животное – *animal rationale*, но и *animal symbolicum*.

Рассмотренные в совокупности, эти особенности человеческой деятельности свидетельствуют о том, что она зиждется на фундаментальных *социокультурных основаниях*. Однако такой подход не избавляет от проблемы выяснения информационно-коммуникативной сущности культуры и других сопряженных с ней феноменов.

Уместно отметить сомнения на этот счет. Так, с позиций профессора Стокгольмского университета У. Ханнерца, автора книги «Культурная сложность», «само прилагательное "культурный" вполне могло бы стать приемлемым: оно не обожествляет культуру как субстанцию и лишь обращает внимание на одно из свойств, присущих вещам» [390, с. 112]. Существует и версия сугубо национальных границ коммуникаций «культура – цивилизация» как

«целиком немецкой идеи». Утверждается, что во французской и английской традиции эти понятия не содержат глубоких различий. В качестве аргумента выдвигается этимологическая версия понятий «культура» и «цивилизация». В таком ракурсе, например, во французском языке, в отличие от немецкого и русского, нет четкого разграничения между понятиями *culture* и *civilization*.

Вместе с тем ясно, что версии культуры, как «прилагательного», и «фигура умолчания» о соотношении культуры и цивилизации или их различия в границах того или иного национального ареала – это результаты затруднений формально-семиотического, но не сущностного характера. В действительности эти понятия гораздо более емкого происхождения и смыслов, и в европейской традиции значима их точка опоры. Более того, эти смыслы закономерно актуализировались в контексте формирования информационного общества, которое не столько заново отвечает, сколько вопрошает: что есть современная цивилизация и культура, каковы вызовы и угрозы их трансформации в направлении общественного прогресса? Изначально ответить на эти судьбоносные вопросы – значит определиться с «природой вещей».

Камнем преткновения остается неопределенность «последних оснований» (Аристотель) исходных и базовых концептов культуры и цивилизации, их информационно-коммуникативных смыслов. В многоголосье представлений внятно слышен лейтмотив единых оснований и взаимосвязей, но все же различных смыслов культуры и цивилизации. Ницше писал об утраченном понятии «культура» и призывал к восстановлению этого понятия, «высшему пониманию культуры» [263, с. 374–375]. В этом же духе – глубокое замечание О. Шпенглера о том, что «одной из важнейших причин хаотической картины исторической внешности не была усмотрена истинная структура истории, было неумение взаимно отделить друг от друга проникающие комплексы форм культурного и цивилизационного существования» [410, с. 74].

В информационно-коммуникативной парадигме взаимосвязь и специфика этих комплексов сводятся к следующему:

1. Культура – *субъективированная, целе-ценностная* деятельность, а цивилизация – *объективированная, целе-функциональная* деятельность по производству общественного богатства. Они различаются как творящее и творимое, «культурная субъективность» (Гегель) и совокупность ее воплощений в социальной «материи» – вещах, структурах, формах, технологиях и т. п. – объективно существующих плодов творчества. «*Культура contra цивилизация*, – писал Ницше. – Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают... Цивилизация желает чего-то другого, чем культура... *От чего я предостерегаю?* От смешения средств цивилизации с культурой» [265, с. 97]. С точки зрения испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета, «жизнь идет с помощью техники, но не от техники... Цивилизация не дана нам готовой, сама себя не поддержит. Она искусственна и требует художника, мастера» [274, с. 148, 150].

2. Культура – деятельностный *процесс*, цивилизация – совокупность его *результатов*. Уже в средневековой мысли ясно различались *agir* – свободное упражнение человеческих сил *faire* – создание, фабрикование продуктов деятельности. По Шпенглеру, «энергия культурного человека направлена внутрь, энергия цивилизованного человека – на внешнее» [410, с. 77]. По Бердяеву, в культуре «заклочены начала, которые неотвратимо влекут к цивилизации». Динамичное движение культуры влечет к выходу за ее пределы, и «на этих путях совершается переход от культуры к цивилизации» [34, с. 163, 165].

Вместе с тем цивилизация также не лишена динамики, но, в отличие от непрерывного культурного процесса (гераклитова «огня»), она имеет дискретный (прерывный) характер. «*Чистая цивилизация*, – отмечал О. Шпенглер, – как исторический процесс, представляет собой постепенную *разработку* (уступами, как в копиях) ставших неорганическими... форм» [410, с. 70]. Так, первый фордовский автомобиль – это культурная акция, а его нынешние супер-модели – лишь изошренные цивилизационные проекции. В принципе это относится и к компьютерам последних поколений.

3. Культура – это царство *свободы*, а цивилизация – царство *необходимости*. Сущность культуры в том, что она есть «развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [227, с. 356–357]. Это процесс «развития человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [227, с. 476].

4. Культура – это *продуктивность*, творчество, цивилизация же – *репродуктивность*, стереотип, стандарт. Творчество, писал Н. А. Бердяев, «не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие в бесконечность... под творчеством я... понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа» [35, т. 2, с. 13]. Мыслитель воспринимал переход от культуры к цивилизационным «формам» как трагедию творчества, потому что движение культуры вглубь и ввысь проецируется на «плоскости» цивилизации. В этом есть большое и трагическое несоответствие между задачами и результатами творчества. По В. Розанову, «суть нашего времени, что оно все обращает в шаблон, схему и фразу... Из оглоблей никак не выскочишь». Чем же обусловлено торжество цивилизационного «шаблона»? Розанов отвечает так: «Техника... дала всемогущество. Но она же и раздавила. Получилась "техническая душа", без вдохновения и творчества» [316, с. 125].

5. По своей природе культура имеет *организмический*, а цивилизация – *организационный* характер. Н. А. Бердяев считал такое различие едва ли не основным в проблеме соотношения культуры и цивилизации, приводя следующие и, на наш взгляд, веские аргументы.

Организм рождается из природной жизни, и он сам рождает. Организация же не рождается и не рождает. Она создается активностью человека, хотя и не в высших формах. Организм рождается и остается целостным, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет, саморазвивается. В организации же целое не предшествует частям и не присутствует в них, и поэтому он не может саморазвиваться. В организме есть имманентно присущая ему целесообразность. В организации – целесообразность совсем другого рода, она вкладывается в нее организатором извне. Так, часы действуют очень целесообразно, однако эта целесообразность не в них, а в создавшем и заведшем их человеке. Механизм в своей целесообразности зависит от организатора, но в нем есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его [35, т. 2, с. 305–306]. Заметим, что и компьютер – это не организм, а продукт сложной организации, и идеи его самодостаточности, а тем более самовоспроизводства и самосовершенствования пока относятся к области утопии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.